

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБРАЗОВАНИИ

Оригинальная статья / Original paper

doi:10.17853/1994-5639-2024-6-138-166



Особенности интеграции китайских студентов в образовательное пространство российских университетов

М.А. Галагузова

*Благовещенский государственный педагогический университет,
Благовещенск, Российская Федерация.
E-mail: gala_36@mail.ru*

А.В. Швецова

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Российская Федерация.
E-mail: shvetsovaav@mail.ru*

В. Чжан

*Цилиньский университет международных исследований, Чанчунь, КНР.
mail: 18222319@qq.com*

✉ shvetsovaav@mail.ru

Аннотация. *Введение.* На культурно-символическом уровне прием иностранных студентов позволяет популяризовать российское образование в мировом пространстве, сонастроить межнациональный диалог, переведа его в плоскость конкретных действий, что представляется важной задачей в актуальной внешнеполитической повестке России. *Цель.* Выявить основные мотивы китайской молодежи к обучению в российских педагогических вузах, базовые барьеры интеграции, а также субъективную оценку престижности российского педагогического образования. *Методология, методы и методики.* Методологическая рамка данного исследования основана на синтезе системного и институционального подходов. Для сбора данных использовался онлайн-опрос, адаптированный к разным уровням владения русским языком. *Результаты.* Установлено, что китайские студенты высоко оценивают престиж российского диплома и качество образования. Отмечается высокое влияние речевого барьера на качество обучения при высокой оценке атмосферы в вузе и принятии культурных норм. *Научная новизна.* Разработан и апробирован эмпирический инструментарий для описания особенностей интеграции китайских студентов в российское образовательное пространство, представлены данные, позволяющие получить первичный срез информации как о мотивах, так и о практиках и барьерах обучения иностранных студентов в Рос-

сии. *Практическая значимость.* Определены основные языковые трудности китайских студентов, препятствующие их успешной интеграции в российское образовательное пространство. Созданы предпосылки для разработки специализированных справочных материалов, в частности издания китайско-русского и русско-китайского словаря по педагогике.

Ключевые слова: высшее образование, международное сотрудничество, межнациональный диалог, особенности интеграции китайских студентов в российское образовательное пространство, практики и барьеры обучения иностранных студентов в России, речевой барьер

Благодарности. Авторы выражают благодарность Карнаух Надежде Валентиновне, доктору педагогических наук, профессору кафедры педагогики и психологии Благовещенского государственного педагогического университета за возможность организации исследования.

Для цитирования: Галагузова М.А., Швецова А.В., Чжан В. Особенности интеграции китайских студентов в образовательное пространство российских университетов. *Образование и наука.* 2024;26(6):138–166. doi:10.17853/1994-5639-2024-6-138-137

The features of Chinese students' integration into the learning environment of Russian universities

M.A. Galaguzova

Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russian Federation.

E-mail: gala_36@mail.ru

A.V. Shvetsova

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,

Ekaterinburg, Russian Federation.

E-mail: shvetsovaav@mail.ru

W. Zhang

Jilin International Studies University, Changchun, People's Republic of China.

E-mail: 18222319@qq.com

✉ shvetsovaav@mail.ru

Abstract. *Introduction.* At the cultural and symbolic level, admitting foreign students helps promote Russian education on a global scale and fosters interethnic dialogue, translating it into tangible actions. This appears to be a significant task on Russia's current foreign policy agenda. *Aim.* The present research aimed to identify the main motives of Chinese youth for studying at Russian pedagogical universities, the basic barriers to integration, as well as a subjective assessment of the prestige of Russian pedagogical education. *Methodology and research methods.* The methodological framework of this study is based on the synthesis of systemic and institutional approaches. To collect data, an online survey adapted to various levels of Russian language proficiency was used. *Results.* It has been established that Chinese students highly value the prestige of a Russian diploma and the quality of education. The language barrier has a significant impact on the quality of education, as well as on the positive evaluation of the university environment and the embrace of cultural norms. *Scientific novelty.* An empirical toolkit has been developed and tested to describe the features of the integration of Chinese students into the Russian educational space. The data presented enabled the authors to gain a primary snapshot of information regarding the motives, practices, and barriers faced by foreign students studying in Russia. *Practical significance.* The

main language difficulties faced by Chinese students that hinder their successful integration into the Russian educational environment have been identified. Based on this research, there are plans to publish a Chinese-Russian and Russian-Chinese dictionary focusing on pedagogy.

Keywords: higher education, international cooperation, interethnic dialogue, features of Chinese students' integration into the Russian learning environment, practices and barriers of teaching foreign students in Russia, language barrier

Acknowledgements. The authors are grateful to Nadezhda Valentinovna Karnaukh, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology at Blagoveshchensk State Pedagogical University, for the opportunity to organise the research.

For citation: Galaguzova M.A., Shvetsova A.V., Zhang W. The features of Chinese students' integration into the learning environment of Russian universities. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2024;26(6):138–166. doi:10.17853/1994-5639-2024-6-138-137

Particularidades de la integración de los estudiantes chinos en el espacio educativo de las universidades rusas

M.A. Galagúzova

Universidad Pedagógica Estatal de Blagovéshchensk,
Blagovéshchensk, Federación de Rusia.

E-mail: gala_36@mail.ru

A.V. Shvetsova

Universidad Federal de Los Urales en honor al Primer Presidente de Rusia B.N. Yeltsin
Ekaterimburgo, Federación de Rusia.

E-mail: shvetsovaav@mail.ru

W. Zhang

Universidad de Estudios Internacionales de Jilin, Changchún, República Popular de China.

E-mail: 18222319@qq.com

✉ shvetsovaav@mail.ru

Abstracto. Introducción. A nivel cultural y simbólico, la admisión de estudiantes extranjeros permite popularizar la educación rusa en el espacio global, armonizar el diálogo interétnico y trasladarlo al plano de acciones concretas, lo que resulta ser una tarea importante en la actual agenda de la política exterior de Rusia. **Objetivo.** Identificar los principales motivos de los jóvenes chinos para estudiar en las universidades pedagógicas rusas, las barreras básicas a la integración, así como una evaluación subjetiva del prestigio de la educación pedagógica rusa. **Metodología, métodos y procesos de investigación.** El marco metodológico de este estudio se basa en una síntesis de enfoques sistémicos e institucionales. Para la recopilación de datos se utilizó una encuesta en línea adaptada a diferentes niveles de dominio del idioma ruso. **Resultados.** Se ha demostrado que los estudiantes chinos valoran mucho el prestigio de los diplomas rusos y la calidad de la educación. La barrera del habla tiene un alto impacto en la calidad de la educación con una alta valoración del ambiente en la universidad y la aceptación de las normas culturales. **Novedad científica.** Se ha desarrollado y probado un conjunto de herramientas empíricas para describir las características de la integración de los estudiantes chinos en el espacio educativo ruso. Se han presentado datos que nos permiten obtener una instantánea informativa de primera mano sobre los motivos, las prácticas y las barreras para educar a los estudios extranjeros en Rusia. **Significado práctico.**

Se identifican las principales dificultades lingüísticas de los estudiantes chinos que obstaculizan su exitosa integración en el espacio educativo ruso. Se han creado las condiciones previas para la elaboración de materiales de referencia especializados, en particular la publicación de un diccionario de pedagogía chino-ruso y ruso-chino.

Palabras claves: educación superior, cooperación internacional, diálogo interétnico, características de la integración de los estudiantes chinos en el espacio educativo ruso, prácticas y barreras para que estudiantes extranjeros estudien en Rusia, barrera del habla

Agradecimientos. Los autores expresan su agradecimiento a Nadezhda Valentínovna Karnauj, doctora en ciencias de la pedagogía y profesora del Departamento de Pedagogía y Psicología de la Universidad Pedagógica Estatal de Blagovéshchensk, por la oportunidad de organizar la investigación.

Para citas: Galagúzova M.A., Shvetsova A.V., Zhang W. Particularidades de la integración de los estudiantes chinos en el espacio educativo de las universidades rusas. *Obrazovanie i nauka = Educación y Ciencia*. 2024;26(6):138–166. doi:10.17853/1994-5639-2024-6-138-137

Введение

Осмысление механизмов интеграции иностранных студентов в образовательную среду принимающей стороны является важной задачей для развития исследований международной мобильности и международного научного знания в целом. Образовательная мобильность имеет несколько осей измерения: физическая возможность перемещения (зависит от политических контекстов и транспортной доступности), экономические условия (стоимость образовательных услуг и возможность поддерживать привычный абитуриенту уровень жизни), сложность вступительных испытаний (требования к уровню знаний, в т. ч. владения языком принимающей стороны) а также спектр социально-культурных условий, обеспечивающих эмоциональный комфорт. Последняя из перечисленных осей наиболее сложна для оценки и измерения, поскольку во многом опирается на интуитивное, субъективное принятие «законов жизни» новой страны, однако именно она имеет определяющее значение для успешной интеграции иностранных студентов.

Российские вузы активно привлекают иностранных абитуриентов, стремясь создавать для них гибкие механизмы профессионального становления. По количеству иностранных студентов мы Россия стабильно занимает лидирующие позиции (Рис. 1), даже несмотря на то, что по параметрам эффективности на мировом образовательном рынке российские университеты выглядят весьма скромно (в частности, в первой сотне рейтинга Times Higher Education World University Rankings 2024¹ лишь один российский вуз – МГУ им. Ломоносова, 95 место; по версии Times Higher Education Impact Rankings² (рейтинг влияния вузов в соответствии с Целями устойчивого развития ООН) – лучшие показатели у Казанского (Приволжского) федерального университета, 201–300

¹ Times Higher Education World University Rankings 2024. Режим доступа: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2024/world-ranking> (дата обращения: 26.12.2023).

² Times Higher Education Impact Rankings. Режим доступа: https://www.timeshighereducation.com/impactrankings#!/length/25/locations/RUS/sort_by/rank/sort_order/asc (дата обращения: 26.12.2023).

место; в первой сотне Шанхайского академического рейтинга университетов Shanghai Ranking Consultancy¹ отечественные вузы не фигурируют, МГУ им. Ломоносова устойчиво теряет свои позиции, в актуальном списке находясь лишь во второй сотне, еще 8 вузов имеют позиции во второй половине тысячного списка). Стоит отметить, что низкие позиции в рейтингах формируют имидж «запасного» игрока в глобальном образовательном пространстве, влияют на выбор студентов и политику в области высшего образования, хотя объективность этого инструмента ставится исследователями под сомнение. Исследования I. Chirikov а также R. A. Shahjaha и N. K Bhargal убедительно доказали, что ранкеры уязвимы для конфликта интересов: контракты на консалтинговые, аналитические или рекламные услуги напрямую влияют на результаты ранжирования [1; 2].



Рис. 1. Рейтинг стран, принимающих иностранных студентов (2022 год)²

Fig. 1. Rating of countries hosting foreign students (2022)

В этом контексте возрастает потребность в разработке альтернативных механизмов привлечения иностранных абитуриентов, центральной идеей которых является тиражирование позитивного опыта обучения, когда дружественная принимающая атмосфера и гарантированное качество образования ложатся в основу рекомендации для друзей и знакомых. С целью повышения конкурентоспособности российских университетов на международном рынке

¹ Shanghai Ranking Consultancy. Режим доступа: <https://www.shanghairanking.com/rankings/arwu/2023> (дата обращения: 26.12.2023).

² На основании данных доклада Global Mobility Trends, PROJECT ATLAS. Режим доступа: <https://www.iie.org/research-initiatives/project-atlas/explore-global-data/> (дата обращения: 27.09.2023).

образовательных услуг на период 2017-2025 гг. был разработан приоритетный проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования»¹ (преобразован в «Экспорт образования»²; в 2021 году не вошел в состав обновленного нацпроекта «Образование»³). Ключевой задачей проекта является внедрение целевой модели деятельности вуза по экспорту образования, в том числе создание международных служб для поддержки иностранных студентов, которая должна действовать во всех вузах страны. По мнению Д. Н. Береснева с коллегами проект получил неоднозначную оценку со стороны научного сообщества, в частности критике подверглась формализация конкретных проектируемых результатов, технократический и прагматический детерминизм при определении целевых показателей и их значениям по годам, возложение на научно-педагогический персонал университетов задач по увеличению числа иностранных студентов, готовых обучаться в России, и росту объемов внебюджетных средств, получаемых от экспорта российского образования [3]. Ю. А. Тюрина, Е. Л. Луценко и О. В. Казак также отмечают, что проект не учитывает региональные условия его реализации, выполнение количественных показателей дополнительно не финансируется и отдается на откуп университетам [4].

Другим шагом стало увеличение квоты для иностранцев, стремящихся получить высшее образование в России, что отвечает потребностям популяризации российского образования в мировом пространстве, а также стабилизации вузовской системы в ситуации внутренних демографических перекосов (в первую очередь, влияния спадов рождаемости, которые приводят к ощущению «недобору»). Согласно Постановлению Правительства РФ от 18 декабря 2020 г. № 2150, начиная с 2023 года, получать высшее образование смогут 30 тысяч человек ежегодно⁴. Вместе с тем, готовность системы образования к интеграции такого количества иностранных студентов и поддержанию высокого уровня образовательных услуг для них остается проблемой, требующей особого внимания.

По данным онлайн-мониторинга сайта «Образование в России для иностранцев»⁵, конкурс на 1 место в пределах квоты Российской Федерации составляет 3,858 человека (снизился в сравнении с показателями 2021 г. почти в половину, что особенно ощутимо по странам СНГ, тогда как активность китай-

¹ Паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» в редакции протокола от 30 мая 2017 года № 6. Режим доступа: <http://government.ru/projects/selection/653/28013/> (дата обращения: 27.09.2023).

² Паспорт федерального проекта «Экспорт образования» в редакции от 25 декабря 2020 года. Режим доступа: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/f2c/f2c42a6cad02dc1b9189092814758e59.pdf> (дата обращения: 27.09.2023).

³ Татьяна Голикова провела заседание проектного комитета по нацпроекту «Образование» // Официальный сайт Правительства России, 5 апреля 2021. Режим доступа: <http://government.ru/news/41893/> (дата обращения: 26.12.2023).

⁴ Как иностранным студентам получить высшее образование в российском вузе? // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Постановление Правительства РФ от 18 декабря 2020 г. № 2150 «Об установлении квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» Режим доступа: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/nauka-i-obrazovanie/36132/> (дата обращения: 27.09.2023).

⁵ Онлайн-мониторинг // Образование в России для иностранцев. Режим доступа: <https://education-in-russia.com/education-in-russia/monitoring> (дата обращения: 27.09.2023).

ских студентов несколько повысилась, рис. 2). Актуальные данные Минобрнауки России свидетельствуют о том, что в стране обучается порядка 32,6 тыс. граждан Китайской Народной Республики, причем в числе приоритетных направлений подготовки фигурируют педагогические специальности (филология, лингвистика, языкознание и литературоведение и др.), являющиеся фокусом данной статьи.

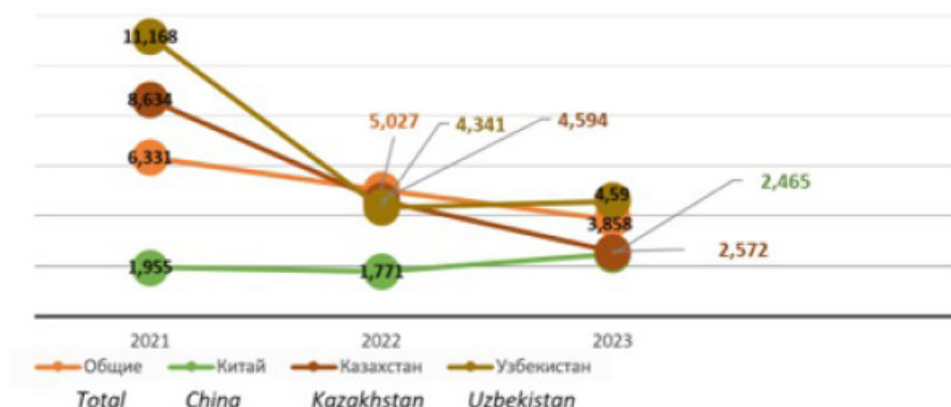


Рис. 2. Динамика конкурса на 1 место в пределах квоты Российской Федерации для иностранных студентов (чел.)

Fig. 2. Dynamics of the competition for 1st place within the quota of the Russian Federation for foreign students (ppl.)

Происходящие трансформации требует осмысления механики интеграции китайских студентов, основную трудность для которых представляет овладение русским языком, сенситивном даже на бытовом (а тем более на научном) уровне к интонационным штрихам и требующим навыков интуитивного восприятия. Важным шагом к успешной адаптации иностранных студентов к российской образовательной системе является изучение их мотивации к обучению в России и выявление коммуникативных трудностей, в том числе особенностей восприятия специальных педагогических терминов, через которые раскрывается сущность профессиональной деятельности педагогов.

Цель статьи состоит в выявлении основных мотивов китайской молодежи к обучению в российских педагогических вузах и базовых барьеров их интеграции в образовательную среду на основании данных опроса китайских студентов, обучающихся в Благовещенском государственном педагогическом университете и Уральском государственном педагогическом университете ($n = 98$).

¹ За прошедший год число студентов из Китая в российских вузах увеличилось на 10 % // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Режим доступа: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/51810/> (дата обращения: 27.09.2023).

Для достижения указанной цели мы сформулировали следующие исследовательские вопросы: почему китайские абитуриенты выбирают те или иные вузы? С какими барьерами они сталкиваются в процессе обучения?

Гипотезы исследования состояли в том, что а) мотивация поступления в российские педагогические вузы имеет двойственную природу, сочетающую объективные (возможности семьи и абитуриента) и субъективные (оценочные) факторы; б) барьеры интеграции в образовательное пространство могут носить языковой, культурный и социальный характер.

Ограничения исследования связаны с широкой вариативностью педагогических университетов России (более 60 учреждений), охватить региональную, средовую, ресурсную специфику которых не представляется возможным. Кроме того, основной задачей нашего исследования являлся анализ барьеров в восприятии учебной информации, соответственно мы не собирали данные относительно факторов (за исключением среднего балла ЕГЭ студента), влияющих на выбор учебного заведения (статус семьи, возможность оплачивать обучение за рубежом, миграционные планы и др.), что представляет интерес для наших потенциальных проектов.

Обзор литературы

Проблематика данной статьи лежит в плоскости двух научно-исследовательских полей: развитие образовательной миграции и особенности интеграции иностранных студентов в принимающую образовательную среду. Стоит отметить, что, по мнению многих ученых, в частности Y. Wan, а также Н. Д. Трегубовой и В. С. Старикова, тональность актуального дискурса о проблеме студенческой миграции подсвечивает проблему международной конкуренции за глобальные таланты и человеческий капитал [5; 6] и, как добавляют L. Lo и коллеги, во многом завязана на экономических последствиях как для принимающих стран, так и для стран-доноров [7].

Образовательная миграция представляет собой популярное исследовательское направление во всем мире, поскольку соединяет микросоциологический уровень индивидуальных историй молодых людей с макросоциологической перспективой изучения межнациональных процессов, взаимообмена культур и технологий воспроизводства знания. В частности, существенный вклад в понимание механики студенческой миграции сделали L. Cerna и M. Chou, изучив политику приема в университеты, влияние платы за обучение на выбор абитуриентов, эффективность стипендиальных программ, иммиграционный статус студента и пути, доступные для трудоустройства после окончания учебы [8]. V. Toumanidou утверждает, что существует взаимосвязь между моделями образовательной миграции и ресурсами, которыми располагает абитуриент; особый интерес представляют факторы, влияющие на принятие молодыми людьми решений о переезде для профессионального обучения, в числе которых отмечают (а) возможность для самопознания, саморазвития и пути к независимости и автономии, (б) планирование более широкого мигра-

ционного проекта путем расширения возможностей трудоустройства за счет накопления социального и культурного капитала [9].

В. А. Суворова и И. А. Бронников определяют образовательную миграцию как перемещение мотивированных людей внутри страны и между странами с целью получения или продолжения образования различного уровня [10]. Стоит отметить, что нейтральность определения не исключает необходимости поиска смыслов и контекстов, стоящих за процессами международной академической мобильности студентов. На наш взгляд, имеет смысл заглянуть вглубь этих процессов, осмыслить мотивы и вариативность выбора абитуриентов, влияние различных ресурсов (экономических, символических, социальных) и информационного давления на их образовательные стратегии. Важно, что, как считают О. М. Осиянова с коллегами, образовательная миграция может рассматриваться как возможность компенсации негативных демографических тенденций за счёт следующих факторов: а) оптимальный возраст: студенты молоды и как правило энергичны в профессиональном плане; б) на рынок труда выходит дипломированный специалист с необходимыми компетенциями в) иностранные студенты интегрированы в принимающей культуре [11]. О. Zawacki-Richter, S. Bedenlier отмечают, что таким образом, с одной стороны, существует тенденция на привлечение лучших студентов со всего мира как глобальный источник конкуренции [12], а с другой – надежда страны-донора на возвращение студентов и их активность в экономическом развитии своей страны.

Характерно, что есть исследования, политизирующие миграционный выбор студентов и рассматривающие международные образовательные переезды в качестве инструмента политического противостояния. Например, Международный журнал развития образования опубликовал статью, в которой утверждается, что страны бывшего Советского Союза с более высокой долей студентов, обучающихся в Европе или Соединенных Штатах, достигли более высокого уровня демократического развития, в отличие от стран, студенты которых выбирают образование в авторитарном направлении – России. Chankseliani M. высказывает предположение о том, что обучение за рубежом можно рассматривать как способ социализации – «включения новичков в существующий порядок» [13]. Более того, S. Marginson связывает низкие показатели публикационной активности российских ученых с наследием советского периода – «закрытой дверью» для международных связей [14]. С другой стороны, формируется пул исследований, интересующихся меняющейся архитектурой международного образования. Например, S. Ravinder, K. Ho, B. Yeoh бросают вызов европоцентристским взглядам на Азию как на пространство второго порядка и предлагается новое аналитическое понимание региональной студенческой мобильности через концепт «ощущение региональности» и усиление национальной идентичности [15].

Что касается образовательной миграции именно китайских абитуриентов, изучены и описаны стратегии их выбора. По мнению Chao Chiang-nan и коллег [16], приоритетным направлением является США, что обусловлено следующи-

ми факторами: во-первых, это стремление получить образование в топовых мировых университетах, а в США их доля наиболее велика; во-вторых, система образования в США предпочитает кандидатов, которые позиционируют себя как уникальные, в отличие от китайской системы, требующей многолетнего механического заучивания; в-третьих, амбиции родителей, для которых поступление в вузы Лиги Плюща¹ символизирует успех и статус; в-четвертых, американское образование понимается как возможность более широкого, критического мышления, выходящего за рамки простого сдачи тестов. Ориентируясь на эти ключевые факторы выбора, мы можем скорректировать подходы к организации образовательной политики, сделав их более конкурентными с точки зрения мировой практики.

Второе научно-исследовательское поле – особенности интеграции иностранных студентов – представлено, по мнению M. Ginnervskov-Dahlberg, значительным количеством исследований влияния на идентичность и последствий международной мобильности для молодых людей и членов их семей [17]. Молодые люди, сталкиваясь с необходимостью покидать свою первоначальную среду обучения и проживания, испытывают проблемы не только бытовой, но и культурной адаптации, в том числе отказа от традиционных привычек жизни. Существенные риски связаны также со снижением частоты взаимодействия с семьей и действием языковых барьеров. Y. Ji говорит о необходимости создания специальных условий для интеграции студентов, в основе которых лежит взаимодействие трех элементов: принимающих университетов, зон переселения и самих студентов-мигрантов [18]. J. Zhu и коллеги эмпирически подтверждают, что на культурную интеграцию иностранных студентов влияет множество объективных факторов, среди которых первостепенными являются адаптация к жизни и межличностное общение. Адаптация к учебе зависит в свою очередь от того, как организован образовательный процесс [19].

Сергей Кремень и коллеги, изучая адаптацию иностранных первокурсников в образовательное пространство российского вуза (на примере Смоленского государственного университета), выделили четыре взаимосвязанных элемента образовательной интеграции [20]: технологический (владение средой электронного обучения), академический (показатели академической успеваемости), социокультурный (поиск компромисса между культурными традициями принимающей стороны и собственными привычками) и психологический (принятие роли «российского студента»). Важно отметить, что регрессионный анализ зафиксировал взаимосвязь между языковой компетентностью студента и его академической успеваемостью.

Несколько видоизменив предложенную J. Chen [21] рамку, подытожим, что можно говорить о трех уровнях динамики образовательной миграции:

¹ Лига плюща (англ. The Ivy League) — ассоциация восьми университетов США., позиционирующих себя как гарантов качественного образования, обеспечивающего принадлежность к социальной элите. В состав Лиги плюща входят: Гарвардский университет, Йельский университет, Университет Пенсильвании, Принстонский университет, Колумбийский университет, Брауновский университет, Дартмутский колледж, Корнелльский университет

микроиндивидуальное принятие решений (мотивация и возможности), мезоакадемический маркетинг (действия университета для обеспечения академической мобильности) и макронациональный маркетинг (политика и механизмы, предлагаемые государством для формирования имиджа престижной в образовательном плане страны), что позволяет увидеть более объемную картину потоков студенческой миграции. В свою очередь, эти уровни определяют и качество интеграции студентов в образовательное пространство страны, создавая контекст индивидуального опыта студентов, имиджа конкретного вуза на международной арене, а также принимающего государства как гаранта качества получаемого образования, что является предметом серьезной научной и административной рефлексии. При этом часто игнорируются направления подготовки принимающих университетов, хотя очевидно, что выбор учебного заведения происходит не унифицировано, а часто с опорой на отраслевую специфику. Педагогическое образование в России имеет выраженную отраслевую принадлежность (в частности, на это указывает подчиненность педвузов Министерству просвещения, а не Министерству образования и науки, как большинство высших учебных заведений), что предопределяет необходимость рассматривать их как локальную систему внутри системы высшего образования.

Методология, материалы и методы

Методологическая рамка данного исследования основана на синтезе системного и институционального подходов. Мы рассматриваем педагогический университет как подсистему в системе высшего образования, функционирующую по логике и законам глобальной государственной системы, а следовательно, понимаемую через осознание механики ее взаимодействия с другими элементами: политической, социальной, культурной, языковой и др. С другой стороны, институциональный подход позволяет избежать крайностей сведения всех локальных процессов и специфических состояний к общим закономерностям. Каждый педагогический университет представляет собой самостоятельную институцию, жизнь и практики которой организованы по собственному негласному «кодексу» – то, что может быть определено как внутренняя атмосфера или характер вуза.

Для анализа литературы по теме исследования мы обратились к данным англоязычной научной базы researchgate и русскоязычной платформы elibrary, используя ключевые слова соответствующей тематики («образовательная миграция», «иностранные студенты», «адаптация иностранных студентов», «мотивы образовательного выбора» и др.) Глубина поиска – десять лет, приоритет исследованиям не старше пяти лет.

Идея эмпирического исследования возникла в результате осмысления опыта работы с иностранными студентами (в первую очередь, китайскими), проходящими образовательные программы по педагогическому профилю на базе двух российских вузов: Благовещенском государственном педагогическом университете (г. Благовещенск) и Уральском государственном педагогическом университете (г. Екатеринбург).

ческом университете (г. Екатеринбург). Со стороны педагогов, работающих со студентами-мигрантами, запрос формулировался как необходимость понять образовательные потребности студентов и вписать их в более широкий контекст – социальный, культурный, психологический, чтобы влиять на качество образовательного процесса. На основании данных опроса китайских студентов ($n = 98$), обучающихся в данных университетах, мы поставили перед собой задачу выявить основные мотивы китайской молодежи к обучению в российских педагогических вузах, базовые барьеры интеграции, а также субъективную оценку престижности российского педагогического образования. Одной из рабочих гипотез исследования выступала также возможная взаимосвязь между владением специальной научной терминологией и академической успеваемостью, а как следствие удовлетворенностью результатом образования, иностранных студентов.

Для сбора данных использовался разработанный авторами онлайн-опрос, адаптированный к разным уровням владения русским языком (вопросы переведены на китайский язык для исключения погрешностей в трактовке, базовые понятия и термины давались на русском и китайском языке, предварительно выверенным двухсторонним переводом). Первый блок вопросов включал общие сведения о респондентах («паспортичка»); второй блок – выявление мотивации и основных проблем в обучении; третий – анализ владения специализированной педагогической терминологией (результаты не представлены в рамках данной статьи). Среди респондентов более половины (61,8 %) – женщины; 51,9 % – попадают в возрастной диапазон 18–25 лет; 30,3 % – 26–35 лет; остальные – старше 36 лет (в основном аспиранты). Стоит отметить, что большинство опрошенных студентов, обучающихся в Благовещенске – бакалавры и магистры (42,9 % и 45,2 % соответственно), тогда как среди респондентов Екатеринбурга преобладают магистры и аспиранты (44,6 % и 41,1 % соответственно).

Для обработки полученных данных использовался метод статистического распределения данных.

Результаты исследования

Полученные нами данные свидетельствуют о том, что китайские студенты высоко оценивают престиж российского диплома (58,9 % студентов УрГПУ и 66,7 % БГПУ) и качество получаемого образования (73,2 % студентов УрГПУ и 59,5 % БГПУ). Другими значимыми мотивами выбора российского образования названы его доступная стоимость (51,8 % студентов УрГПУ и 42,9 % студентов БГПУ) и близость российской культуры (33,9 % студентов УрГПУ и 57,1 % студентов БГПУ). При этом удобство расположения является значимым аргументом в пользу БГПУ предсказуемо чаще, чем УрГПУ (64,3 % и 25,0 % соответственно). Среди прочих мотивов указаны «хорошая культурная атмосфера» и «для устройства на работу», что говорит о наличии как практических, так и эстетических мотивов в выборе университета (табл. 1 и 2).

Таблица 1
Распределение ответов на вопрос «Почему вы выбрали российский вуз?»
(Уральский государственный педагогический университет) в абсолютных
значениях и % %

Table 1
Distribution of answers to the question “Why did you choose a Russian?”
university (Ural State Pedagogical University) in absolute values and % %

Варианты <i>Options</i>	Количество ответивших <i>Number of respondents</i>	Процент <i>Percent</i>
Удобное расположение <i>Convenient location</i>	14	25 %
Высокое качество образования <i>High quality education</i>	41	73.21 %
Доступная стоимость обучения <i>Affordable tuition fees</i>	29	51.79 %
Высокий статус диплома <i>High diploma status</i>	33	58.93 %
Близость российской культуры <i>Closeness to Russian culture</i>	19	33.93 %
Моя специальность – русский язык <i>My speciality is Russian language</i>	3	5.36 %
Прочие <i>Others</i>	1	1.79 %
Количество опрошенных <i>Number of respondents</i>	56	Хорошая культурная атмосфера <i>Good cultural atmosphere</i>

Таблица 2
Распределение ответов на вопрос «Почему вы выбрали российский вуз?»
(Благовещенский государственный педагогический университет) в
абсолютных значениях и % %

Table 2
Distribution of answers to the question “Why did you choose a Russian
university?” (Blagoveshchensk State Pedagogical University) in absolute values
and % %

Варианты <i>Options</i>	Количество ответивших <i>Number of respondents</i>	Процент <i>Percent</i>
Удобное расположение <i>Convenient location</i>	27	64.29 %
Высокое качество образования <i>High quality education</i>	25	59.52 %

Доступная стоимость обучения <i>Affordable tuition fees</i>	18	42.86 %
Высокий статус диплома <i>High diploma status</i>	28	66.67 %
Близость российской культуры <i>Closeness to Russian culture</i>	24	57.14 %
Моя специальность – русский язык <i>My speciality is Russian language</i>	14	33.33 %
Прочие <i>Others</i>	1	2.38 % Для устройства на работу <i>To get a job</i>
Количество опрошенных <i>Number of respondents</i>	42	

Стоит отметить невысокий средний балл ЕГЭ респондентов, что может свидетельствовать об уровне их образовательных притязаний. В частности, китайские студенты УрГПУ имеют средний балл в районе 468, БГПУ – 359 (максимальный балл для большинства провинций Китая 750). В целом такая ситуация характерна и для российских студентов – педагогические специальности не рассматриваются как перспективные с точки зрения возможностей заработка, а потому привлекают либо очень замотивированных абитуриентов, либо тех, кто не питает надежд поступить на более «денежные» специальности.

Иностранные студенты оценивают обучение в России как средней сложности и сложное. Для студентов УрГПУ характерна большая субъективная сложность: 42,9 % – оценили этот показатель на 3 балла, 44,6 % – на 4 балла из 5, (табл. 3); для студентов дальневосточного региона учеба воспринимается легче: 19,1 % – 2 балла, 57,1 % – 3 балла, 19,1 % – 4 балла (табл. 4).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Оцените, насколько легко Вам учиться в российском вузе (от 1 до 5, где 1 – очень легко, 5 – очень сложно)» (Уральский государственный педагогический университет) в абсолютных значениях и %

Table 3

Distribution of answers to the question “Rate how easy it is for you to study at a Russian university (from 1 to 5, where 1 is very easy, 5 is very difficult)” (Ural State Pedagogical University) in absolute values and %

Варианты <i>Options</i>	Количество ответивших <i>Number of respondents</i>	Процент <i>Percent</i>
1	0	0 %
2	2	3.57 %

3	24	42.86 %
4	25	44.64 %
5	5	8.93 %
Количество опрошенных <i>Number of respondents</i>	56	

Таблица 4
Распределение ответов на вопрос «Оцените, насколько легко Вам учиться в российском вузе (от 1 до 5, где 1 – очень легко, 5 – очень сложно)» (Благовещенский государственный педагогический университет) в абсолютных значениях и %

Table 4
Distribution of answers to the question “Rate how easy it is for you to study at a Russian university (from 1 to 5, where 1 is very easy, 5 is very difficult)” (Blagoveshchensk State Pedagogical University) in absolute values and %

Варианты <i>Options</i>	Количество ответивших <i>Number of respondents</i>	Процент <i>Percent</i>
1	0	0 %
2	8	19.05 %
3	24	57.14 %
4	8	19.05 %
5	2	4.76 %
Количество опрошенных <i>Number of respondents</i>	42	

Важно отметить, что наибольшие сложности у студентов обоих вузов вызывают следующие аспекты: плохое владение русским языком (82,1 % и 69,1 %), непонимание терминов (57,1 % и 66,7 %) и отсутствие учебников по специальности на китайском языке (37,5 % и 57,1 %) (табл. 5, 6). Основными коммуникативными механизмами являются онлайн-сервисы и приложения (Deerl и др.), значительно реже используются бумажные словари, хотя необходимость в них периодически возникает (перевод и глубокое понимание специализированных терминов). Напряженность других аспектов образовательного процесса – его организация, взаимодействие с преподавателями и другими студентами, сложность культуры и норм поведения – значительно ниже, хотя, безусловно, и они требуют пристального внимания со стороны администрации вузов и принимающих кафедр.

Таблица 5
Распределение ответов на вопрос «Что вызывает наибольшие сложности в обучении?» (Уральский государственный педагогический университет) в абсолютных значениях и %

Table 5
Distribution of answers to the question “What causes the greatest difficulties in learning?” (Ural State Pedagogical University) in absolute values and %

Варианты <i>Options</i>	Количество ответивших <i>Number of respondents</i>	Процент <i>Percent</i>
Плохо владею русским языком <i>I do not speak Russian well</i>	46	82.14 %
Не понимаю некоторые термины <i>I do not understand some terms</i>	32	57.14 %
Организация образовательного процесса <i>Organisation of the educational process</i>	7	12.5 %
Сложность культуры, норм поведения <i>Complexity of culture, norms of behaviour</i>	11	19.64 %
Взаимодействие с преподавателями <i>Interaction with teachers</i>	15	26.79 %
Взаимодействие с другими студентами <i>Interaction with other students</i>	7	12.5 %
Отсутствие учебников по специальности на китайском языке <i>Lack of textbooks on the speciality in Chinese</i>	21	37.5 %
Прочие <i>Others</i>	1	1.79 %
Количество опрошенных <i>Number of respondents</i>	56	

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Что вызывает наибольшие сложности в обучении?» (Благовещенский государственный педагогический университет) в абсолютных значениях и %

Table 6

Distribution of answers to the question “What causes the greatest difficulties in learning?” (Blagoveshchensk State Pedagogical University) in absolute values and %

Варианты <i>Options</i>	Количество ответивших <i>Number of respondents</i>	Процент <i>Percent</i>
Плохо владею русским языком <i>I do not speak Russian well</i>	29	69.05 %
Не понимаю некоторые термины <i>I do not understand some terms</i>	28	66.67 %
Организация образовательного процесса <i>Organisation of the educational process</i>	8	19.05 %
Сложность культуры, норм поведения <i>Complexity of culture, norms of behaviour</i>	9	21.43 %
Взаимодействие с преподавателями <i>Interaction with teachers</i>	5	11.9 %
Взаимодействие с другими студентами <i>Interaction with other students</i>	1	2.38 %
Отсутствие учебников по специальности на китайском языке <i>Lack of textbooks on the speciality in Chinese</i>	24	57.14 %
Прочие <i>Others</i>	1	2.38 % Не хватает возможностей говорить по-русски <i>There are not enough opportunities to speak Russian</i>
Количество опрошенных <i>Number of respondents</i>	42	

Обсуждение

Изучая особенности интеграции китайских студентов в образовательное пространство российских педагогических университетов, мы прежде всего ставили перед собой следующие исследовательские вопросы: почему китайские абитуриенты выбирают те или иные вузы? С какими барьерами они сталкиваются в процессе обучения?

Отвечая на первый вопрос, сопоставим ответы наших респондентов с актуальными на сегодняшний день концептами в исследованиях международной студенческой мобильности. Полученные данные свидетельствуют о том, что основными мотивами обучения в российских педагогических вузах в обеих выборках являются высокое качество образования и высокий статус диплома, а в случае БГПУ – еще и удобное расположение. Безусловно, такие выводы не могут не радовать, однако критическая саморефлексия заставляет обратить внимание на контекст исследовательской ситуации (студенты опрашивались во время обучения, находясь внутри среды, которую должны оценить), а также косвенно давали и оценку собственным способностям (я сделал такой выбор, какой позволяли мне мои ресурсы). Обратимся к макросоциологической перспективе и проанализируем образовательные решения в пользу российских педагогических вузов в контексте всех возможных образовательных стратегий.

Как отмечают W. Wen, D. Hu, Китай является одной из крупнейших стран-доноров международной образовательной миграции в мире [22]. Это объяснимо как с точки зрения демографических реалий, так и учитывая институциональные особенности миграционной политики, в частности влияние на образовательную миграцию системы хукоу. Хукоу – это система регистрации домашних хозяйств в Китае, которая классифицирует население в соответствии с двумя рамками: тип хукоу (сельскохозяйственный или несельскохозяйственный) и место регистрации (местное или неместное) (Y. Song) [23]. Гражданские права в Китае (государственное образование, трудоустройство, государственное жилье и другие социальные льготы) предоставляются местным самоуправлением, а не государством, поэтому статус хукоу является средством доступа резидента к этим правам. Региональные органы власти устанавливают собственные критерии доступа к местным хукоу, что определяет высокий ценз, в том числе и образовательный, для получения хукоу в наиболее престижных и удобных для жизни провинциях. E. Kang считает, что получение хукоу в развитых городах Китая, включая Пекин и Шанхай, через международное образование является мотивацией для обучения за рубежом для молодых людей [24].

Выбор иностранного университета, как считают Y. Lu, J. Jean, Zh. Lu, определен множеством факторов, точкой пересечения которых является баланс между желаниями и возможностями абитуриента [25]. Устремления значительной части образовательных мигрантов направлены на англоязычные страны, хотя формируется тенденция критического осмысления такого пути. В частности, мировой опыт исследований мотивации студенческой мобильности и процессов принятия образовательных решений в действительности очень условно можно назвать именно «мировым», поскольку большинство работ сосредоточены вокруг западного вектора. R. Brooks, J. Waters [26] подчеркивают, что влияние зарубежного образовательного опыта на идентичность студентов не всегда стоит рассматривать как обретение интернациональности, скорее речь

идет о транснациональности, которая имеет этническую, религиозную или расовую природу. Кроме того, «рентабельность» зарубежного диплома определяется принадлежностью к секторам занятости и к конкретным странам, а не является универсальной ценностью. Разнообразие и расширение культурного капитала через обретение небанального опыта становится трендом современного образования, активизируя внимание к альтернативным образовательным системам.

По мнению одного из авторов данного исследования, репрезентирующего «китайский взгляд» на российское образование в нашем проекте, конкурентным преимуществом национальных университетов является имидж традиционной российской педагогической школы как одной из лучших педагогических систем в мире. Российская педагогика оказала значительное влияние на современную китайскую педагогику в части методологических принципов и дидактики, в том числе, в формировании образовательного запроса в терминах «качественного прироста» – сучжи (Suzhi). Сучжи представляет собой ключевой критерий концепции управления человеческими ресурсами в Китае, который сочетает когнитивные, моральные, профессиональные аспекты личности (Z. Chenchen) [27], соответственно качество и престижность образования определяется способностью образовательной системы и конкретного вуза реализовывать программу всестороннего развития. Многие китайские педагогические идеи были заимствованы из России, что определяет близость в постановке образовательных задач. Во-первых, результат воспитания в обоих случаях ориентирован на всестороннее развитие творческих способностей студентов, воображение, выразительные способности, эстетические способности и т. д. путем использования разнообразных видов учебной деятельности, стимулированию интереса студентов к учебе и активизации их внутреннего потенциала обучения. Эту особенность отмечает и S. Wu, подчеркивая, что формирование творческой самостоятельности в образовательном процессе в педагогических вузах России и Китая в условиях личностно-ориентированного обучения позволяет студентам совершенствовать профессиональные навыки через комплексы творческих заданий или проектов [28].

Во-вторых, учебные планы строятся по схожим принципам. И в Китае, и в России учебные планы колледжей и университетов рассчитаны на два семестра в год, каждый семестр состоит из 17 учебных недель. Кроме того, в них предусмотрены зачеты и экзамены, а в число оценок успеваемости студентов входят их учебные достижения и внеучебная работа. При этом российская система дает более обширные, общегуманитарные знания и сочетает в себе теоретические и практические элементы, что выгодно отличает ее от китайского подхода, где внимание сосредоточено на специальности. В качестве достоинств российской педагогики также отмечают гибкость в планировании содержания и методов обучения, способность преподавателей к организации управляемого обучения и поэтапной корректировке учебной программы в зависимости от достижений студентов, что позволяет добиться эффекта адап-

тации обучения к потребностям студентов. Еще одним важным преимуществом российских вузов является возможность обучения в маленьких группах. Большое количество студентов и ограниченные учебные ресурсы – наиболее очевидные факторы перехода на «большую классную систему» в Китае, когда в классе учатся десятки или сотни студентов. Образование в России дает возможность индивидуальной работы, преподаватели лучше ориентируются в реальной ситуации с обучением каждого студента в группе и, исходя из этого, оптимизируют образовательную траекторию.

В-третьих, регулятором и заказчиком обоих образовательных систем выступает государство. Российская стратегия работы с иностранными студентами, как и китайская, базируется на желании укрепить свое влияние в мире и нарастить приток финансирования извне. Университеты одновременно выполняют роли академических и правительственных учреждений, которые реализуют цели государственной политики посредством образовательных механизмов. Характерно, что, по мнению Е. В. Махмутовой, правительство КНР стремится не только к расширению международного сотрудничества, но и к его регулированию, тогда как российская стратегия ориентирована в первую очередь на встраивание в мировой образовательный рынок через узнавание вузов, цитирование ученых, признание научно-исследовательских разработок [29].

Наши данные говорят о том, что российские педагогические вузы рассматривают студенты со средним и невысоким баллом аттестата (сопоставимо с данными других исследователей (С. С. Донецкая, М. Ли), которые фиксируют средний балл китайских абитуриентов в пределах 60 % [30]) и ориентированные на недорогое образование, что также согласуется с выводами о «взвешивании» дипломов российских вузов с позиции соотношения цена – качество: достаточно высокая степень надежности при низкой оплате за обучение и возможности бесплатного образования (по подсчетам Ч. Дань, оплата за профессиональное обучение в России обычно составляет менее четверти от стоимости обучения в Европе и США, что делает образование в России доступным практически всем семьям среднего достатка [31]).

При ответе на второй вопрос – каковы основные барьеры для адаптации китайских абитуриентов в российских педагогических вузах – важно констатировать, что в настоящий момент преобладает формат капсульного включения иностранцев в образовательный процесс – для них создаются отдельные группы, поскольку уровень владения русским языком не всегда позволяет быть участниками «домашних» коллективов. Такая локализация понятна с точки зрения имеющихся ресурсов, однако не является оптимальным механизмом интеграции и последующего профессионального закрепления в России: студенты временно пребывают в стране для получения диплома, после чего возвращаются на родину, где и реализуют полученную профессиональную подготовку. Исследование R. Fincher и K. Shaw показало, что дифференциация студентов происходит во многом институционально (например, через

размещение в разных блоках общежития), что усиливает чувство «инаковости» [32]. Определенная иерархичность, как считает S. O'Connor, прослеживается и в отношении к студентам разных национальностей (выходцы из одних стран понимаются как более обеспеченные и предпочтительные, к другим демонстрируется некоторая предвзятость) [33], что свидетельствует о значимости формирования этнической толерантности среди студентов вузов. Именно общение с «местными» студентами и преподавателями выступает центральным компонентом интеграции в образовательное пространство вуза.

Разработка авторского эмпирического инструментария для описания особенностей интеграции китайских студентов в российское образовательное пространство позволила нам получить первичный срез информации барьерах обучения иностранных студентов в России. В частности, высокое влияние речевого барьера на качество обучения при позитивной оценке атмосферы в вузе и принятии культурных норм характеризует образовательную среду как дружелюбную, но нуждающуюся в структурном переосмыслении базовых коммуникативных процессов. Безусловно, виртуальные помощники – переводчики и специализированные программы – берут на себя значительную часть нагрузки, однако это не исключает необходимости серьезной работы в двух направлениях: а) обучение иностранных студентов русскому языку (практика показывает, что на данный момент они скорее адаптируют учебный материал к родному языку через онлайн-программы, тогда как для интеграции в общество важно владение языком принимающие стороны, ведь, как показано в обзоре литературы, расходование ресурсов на образовательные нужды иностранцев осмыслено при условии, что этот потенциал будет использован в развитии экономики принимающей стороны); б) создание учебно-методических пособий, позволяющих раскрыть сущность базовых методологических категорий при среднем и низком уровне владения русским языком (очевидно, что онлайн-переводчики дают базовый, несколько упрощенный перевод, тогда как педагогическая методология отличается многоуровневостью и наличием культурных кодов в своей основе).

Эти выводы сопоставимы с данными лингвистического исследования Е. П. Глумовой и Ю. Ю. Панченко, которые предлагают различать две основные группы умений (прагматические и дискурсивные), составляющие речевой компонент иноязычной коммуникативной компетенции в письменной диалогической речи: прагматические навыки связаны с необходимостью донести прагматичную информацию (интонацию и эмоциональный фон сообщения при отсутствии прямого зрительного контакта между собеседниками), тогда как дискурсивные навыки связаны с необходимостью выстраивать диалог таким образом, чтобы при отсутствии прямого зрительного контакта собеседник мог однозначно интерпретировать полученное сообщение и продолжить общение [34]. Очевидно, что развитие этого комплекса навыков требует специальной работы и не может быть осуществлено «само собой» в процессе использования электронного переводчика.

Проблема низкого уровня владения китайских студентов русским языком отмечается и китайскими коллегами. Ч. Дань считает, что профессиональная лекция, читаемая в логике и скоростном режиме обычного образовательного процесса, являет собой иной языковой уровень, чем тот который имеет значительная часть китайских студентов, прошедших подготовительные курсы, в результате чего десятая часть китайских студентов вообще не могут понять содержание лекционного материала [31]. Непривычна и атмосфера лекций – гибкие методы, интерактивное общение между преподавателями и студентами, активность студентов на занятиях, разнообразие форм аттестации разительно отличаются от традиционных способов преподавания в Китае и требуют времени для адаптации. Как утверждает В. Вилсен, владение иностранным языком – это не только умение общаться, но и придание ему социальной ценности [35]. Речевой барьер формирует чувство исключения из социальных кругов, академические проблемы и стремление реализовать полученные профессиональные компетенции в родной языковой среде.

Заключение

Как справедливо отмечают Х. Ли и Л. Гуо образовательное сотрудничество между Китаем и Россией развивается уже более века и сопровождается взлетами и падениями в отношениях двух стран [36]. В настоящий момент интеграция китайских студентов в образовательное пространство российских педагогических университетов – важный вопрос с институциональной и геополитической точек зрения. J. Hemsley-Brown и I. Oplatka доказывают, что экспорт образования способствует продвижению национальных технологий, стиля жизни и культуры, а также наращиванию политического влияния [37]. Вместе с тем этот процесс оказался вне актуального научного дискурса, можно отметить лишь несколько исследований, косвенно отражающих его специфику. Дефицит данных касается как мотивов выбора образовательных учреждений, так и основных сложностей интеграции студентов в образовательное пространство университетов, что в результате формирует имидж России как страны для получения образования, но не для последующей жизни и работы. Переосмысление методологических подходов к организации образовательного пространства российских педагогических вузов с учетом актуального мирового опыта интеграции иностранных студентов является важным элементом расширения их социально-культурного влияния и реализации синергетического потенциала.

Сопоставив полученные нами эмпирические данные с результатами наиболее авторитетных исследований, мы сформулировали основные мотивы китайской молодежи к обучению в российских педагогических вузах, а также обозначили базовые барьеры интеграции. Согласно данным проведенного нами опроса, основными мотивами выбора являются качество получаемого образования и престиж российского диплома. Однако, делая поправку на невысокие баллы ЕГЭ (а следовательно, ограниченный перечень возможных

мест для поступления), а также на самооценочную составляющую этого вопроса, будет корректнее говорить о том, что основной мотив – это качественное и престижное педагогическое образование, доступное данным студентам по экономическому и образовательному цензу. Важно, что многие студенты отмечают в качестве конкурентного преимущества российских педвузов близость российской культуры. Этот факт подсвечивает значимость «тонких», во многом интуитивных факторов в механике образовательного выбора, которые не управляются системами ранжирования университетов и приписывания им «объективных» статусов.

Если говорить о процессах интеграции в российское образовательное пространство, то, в целом, китайские студенты довольны условиями своего обучения, качеством контактов с преподавателями и местными студентами, атмосферой в вузе, понимают и принимают культурные нормы. Значимым барьером является низкий уровень владения русским языком, что влияет на коммуникацию и усвоение учебного материала. В этом плане необходимы как локальные решения (разработка специализированных словарей, активное включение иностранных студентов в русскоговорящую среду), так и государственные проекты, направленные на популяризацию российской культуры и русского языка за рубежом (аналогично китайским Институтам Конфуция), что, как показывает практика, служит надежным и бесконфликтным способом формирования межгосударственных связей. Выражаем надежду, что полученные результаты и высказанные соображения могут способствовать пониманию сущности и механизмов привлечения и интеграции иностранных студентов в образовательное пространство российских вузов, могут быть использованы в практике профессиональной ориентации, карьерного консультирования иностранных студентов и формирования безбарьерной коммуникативной среды.

Список использованных источников

1. Chirikov I. Does conflict of interest distort global university rankings? *Higher Education*. 2022;86:1–18. doi:10.1007/s10734-022-00942-5
2. Shahjahan R.A., Bhargal N.K. Cultural studies and university rankings: a case study of Quacquarelli Symonds (QS). *Scandinavian Journal of Educational Research*. 2024;68(1):53–66. doi:10.1080/00313831.2023.2212016
3. Береснев Д.Н., Жалнин В.А., Слизовский Д.Е. Политика Российской Федерации по повышению экспортного потенциала системы образования: риски и возможности старта. *Вестник РУДН. Серия: Политология*. 2017;4(19):366–378. doi:10.22363/2313-1438-2017-19-4-366-378
4. Тюрина Ю.А., Луценко Е.Л., Казаку О.В. Реализация приоритетного проекта «Экспорт образования» в социологическом измерении. *Власть и управление на Востоке России*. 2022;2(99):21–32. doi:10.22394/1818-4049-2022-99-2-21-32
5. Wan Y. To stay or to return? Return intentions and return migrations of Chinese students during the transition period in the United States. *Papers in Applied Geography*. 2016;2(2):01–215. doi:10.1080/23754931.2015.1121162
6. Трегубова Н.Д., Стариков В.С. Образовательная миграция и этносоциальные конфликты в вузах России, Украины и США. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2017;1:121–139. doi:10.14515/monitoring.2017.1.08

7. Lo L., Lu Y., Li W., Tan Y., Lu Z. Youth educational mobility: the start of intellectual migration. In: Cairns D., ed. *The Palgrave Handbook of Youth Mobility and Educational Migration*. Cham: Palgrave Macmillan; 2021:83–96. doi:10.1007/978-3-030-64235-8_9
8. Cerna L., Chou M. Politics of internationalisation and the migration-higher education nexus. *Globalisation, Societies and Education*. 2023;21(2):222–235. doi:10.1080/14767724.2022.2073975
9. Toumanidou V. Understanding educational migration from Greece to the UK in times of crisis. In: Cairns D., ed. *The Palgrave Handbook of Youth Mobility and Educational Migration*. Cham: Palgrave Macmillan; 2022:97–106. doi:10.1007/978-3-030-99447-1_10
10. Суворова В.А., Бронников И.А. Международная образовательная миграция как «ресурс мягкой силы» в эпоху глобализации. *Управление*. 2019;4(7):131–139. doi:10.26425/2309-3633-2019-4-131-139
11. Осиянова О.М., Левина Е.Н., Осиянова А.В. «Образовательный миграционный мост»: от метафоры к проекту. *Высшее образование в России*. 2022;8-9(31):154–167. doi:10.31992/0869-3617-2022-31-8-9-154-167
12. Zawacki-Richter O., Bedenlier S. Internationalization of higher education and the impacts on academic faculty members. *Journal of Studies in International Education*. 2015;10:185–201. doi:10.1177/1745499915571707
13. Chankseliani M. The politics of student mobility: links between outbound student flows and the democratic development of post-Soviet Eurasia. *International Journal of Educational Development*. 2018;62:281–288. doi:10.1016/j.ijedudev.2018.07.006
14. Marginson S. The role of the state in university science: Russia and China. *International Organisations Research Journal*. 2015;10:7–25. doi:10.17323/1996-7845-2015-01-07
15. Ravinder S., Ho K., Yeoh B. *Student Mobilities and International Education in Asia: Emotional Geographies of Knowledge Spaces*. Palgrave Macmillan; 2020. 350 p. doi:10.1007/978-3-030-27856-4
16. Chao C., Hegarty N., Angelidis J., Lu V.F. Chinese students' motivations for studying in the United States. *Journal of International Students*. 2017;7(2):257–269. doi:10.32674/jis.v7i2.380
17. Ginnerskov-Dahlberg M. *Student Migration from Eastern to Western Europe*. Routledge; 2021. 193 p. doi:10.4324/9781003056287
18. Ji Y. Research on the phenomenon of educational migration in China. *Lecture Notes in Education Psychology and Public Media*. 2023;18:33–39. doi:10.54254/2753-7048/18/20231282
19. Zhu J., Li G., Wan M., Li S., Sun L., Li J., Wang X. Survey study of the cultural integration of international students in East China under ecosystem theory. *Sustainability*. 2022;14(21):14485. doi:10.3390/su142114485
20. Kremen S., Kremen F., Tsitsikashvili K. Beyond borders: The integration of foreign students in the distance learning educational process at the Russian university. *Environment and Social Psychology*. 2023;8(1):1662. doi:10.18063/esp.v8.i1.1662
21. Chen J. Three levels of push-pull dynamics among Chinese international students' decision to study abroad in the Canadian context. *Journal of International Students*. 2017;7:113–135. doi:10.32674/jis.v7i1.248
22. Wen W., Hu D. The emergence of a regional education hub: rationales of international students' choice of China as the study destination. *Journal of Studies in International Education*. 2019;23(3):303–325. doi:10.1177/1028315318797154
23. Song Y. What should economists know about the current Chinese hukou system. *China Economic Review*. 2014;29:200–212. doi:10.1016/j.chieco.2014.04.012
24. Kang E. The influence of the Chinese hukou system in motivating and shaping the geography of Chinese international student mobility. *Population, Space and Place*. 2023:e2734. doi:10.1002/psp.2734

25. Lu Y., Jean J., Lu Zh. To study abroad or not, and why? Exploring Chinese university students' post-graduate intentions. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2023;49(18):4598–4620. doi:10.1080/1369183X.2023.2270326
26. Brooks R., Waters J. Partial, hierarchical and stratified space? Understanding 'the international' in studies of international student mobility. *Oxford Review of Education*. 2022;48:1–18. doi:10.1080/03054985.2022.2055536
27. Chenchen Z. Hukou and suzhi as technologies of governing citizenship and migration in China. In: Walters W., Tazzioli M., eds. *Handbook on Governmentality*. Edward Elgar; 2023:335–351. doi:10.4337/9781839108662.00029
28. Wu S. Pedagogical conditions for the formation of creative independence of art and pedagogical university students in China and Russia: comparative analysis. *Pedagogy and Education*. 2023;3:187–194. doi:10.7256/2454-0676.2023.3.43768
29. Махмутова Е.В. Анализ опыта работы с иностранными студентами в России и Китае. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;6(9):24–29. doi:10.26794/2226-7867-2019-9-6-24-29
30. Донецкая С.С., Ли М. Китайские студенты за рубежом: динамика численности и цели выезда. *Высшее образование в России*. 2020;6(29):153–168. doi:10.31992/0869-3617-2020-6-153-168
31. Дань Ч. Китайский студент в российском вузе: тенденции выбора, проблемы адаптации, формирование отношений. *Гуманитарий Юга России*. 2020;5(9):162–173. doi:10.18522/2227-8656.2020.5.13
32. Fincher R., Shaw K. The unintended segregation of transnational students in Central Melbourne. *Environment and Planning A: Economy and Space*. 2009;41(8):1884–1902. doi:10.1068/a41126
33. O'Connor S. Problematizing strategic internationalization: tensions and conflicts between international student recruitment and integration policy in Ireland. *Globalization, Societies and Education*. 2018;16(3):339–352. doi:10.1080/14767724.2017.1413979
34. Глумова Е.П., Панченко Ю.Ю. Коммуникативно-коннективная интеграция социальных сетей как средство развития речевых умений иноязычной письменной диалогической речи студентов бакалавриата. *Вестник Томского государственного университета*. 2022;482:182–191. doi:10.17223/15617793/482/19
35. Bilecen B. Linguistic capital and social inequalities: experiences of international Chinese students in Germany. *Population, Space and Place*. 2024;30:e2725. doi:10.1002/psp.2725
36. Li X., Guo L. Mechanism and model of cooperation between China, Mongolia and Russia in higher education. *Journal of Education, Humanities and Social Sciences*. 2023;19:87–94. doi:10.54097/ehss.v19i.11024
37. Hemsley-Brown J., Oplatka I. Reflections on management and leadership of educational marketing: looking toward the future. *Advances in Educational Administration*. 2012;15:267–277. doi:10.1108/S1479-3660(2012)0000015014

References

1. Chirikov I. Does conflict of interest distort global university rankings? *Higher Education*. 2022;86:1–18. doi:10.1007/s10734-022-00942-5
2. Shahjahan R.A., Bhargal N.K. Cultural studies and university rankings: a case study of Quacquarelli Symonds (QS). *Scandinavian Journal of Educational Research*. 2024;68(1):53–66. doi:10.1080/00313831.2023.2212016
3. Beresnev D.N., Zhalnin V.A., Slizovsky D.E. Policy of the Russian Federation to increase the export potential of the education system: risks and start-up opportunities. *Vestnik RUDN. Serija:*

- Politologija = Bulletin of RUDN University. Series: Political Science.* 2017;19(4):366–378. (In Russ.) doi:10.22363/2313-1438-2017-19-4-366-378
4. Tyurina Yu.A., Lutsenko E.L., Kazaku O.V. Implementation of the priority project “Export of Education” in the sociological dimension. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii = Power and Management in the East of Russia.* 2022;99(2):21–32. (In Russ.) doi:10.22394/1818-4049-2022-99-2-21-32
 5. Wan Y. To stay or to return? Return intentions and return migrations of Chinese students during the transition period in the United States. *Papers in Applied Geography.* 2016;2(2):201–215. doi:10.1080/23754931.2015.1121162
 6. Tregubova N.D., Starikov V.S. Education migration and ethno-social conflicts in the academe of Russia, Ukraine and the USA. *Monitoring obshchestvennogo mnenija: ekonomicheskie i social'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes.* 2017;1:121–139. (In Russ.) doi:10.14515/monitoring.2017.1.08
 7. Lo L., Lu Y., Li W., Tan Y., Lu Z. Youth educational mobility: the start of intellectual migration. In: Cairns D., ed. *The Palgrave Handbook of Youth Mobility and Educational Migration.* Cham: Palgrave Macmillan; 2021:83–96. doi:10.1007/978-3-030-64235-8_9
 8. Cerna L., Chou M. Politics of internationalisation and the migration-higher education nexus. *Globalisation, Societies and Education.* 2023;21(2):222–235. doi:10.1080/14767724.2022.2073975
 9. Tumanidou V. Understanding educational migration from Greece to the UK in times of crisis. In: Cairns D., ed. *The Palgrave Handbook of Youth Mobility and Educational Migration.* Cham: Palgrave Macmillan; 2022:97–106. doi:10.1007/978-3-030-99447-1_10
 10. Suvorova V.A., Bronnikov I.A. International educational migration as a “soft power resource” in the globalization era. *Upravlenie = Management.* 2019;7(4):131–139. (In Russ.) doi:10.26425/2309-3633-2019-4-131-139
 11. Osiyanova O.M., Levina E.N., Osiyanova A.V. “Educational migration bridge”: from metaphor to project. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia.* 2022;31(8-9):154–167. (In Russ.) doi:10.31992/0869-3617-2022-31-8-9-154-167
 12. Zawacki-Richter O., Bedenlier S. Internationalization of higher education and the impacts on academic faculty members. *Journal of Studies in International Education.* 2015;10:185–201. doi:10.1177/1745499915571707
 13. Chankseliani M. The politics of student mobility: links between outbound student flows and the democratic development of post-Soviet Eurasia. *International Journal of Educational Development.* 2018;62:281–288. doi:10.1016/j.ijedudev.2018.07.006
 14. Marginson S. The role of the state in university science: Russia and China. *International Organisations Research Journal.* 2015;10:7–25. doi:10.17323/1996-7845-2015-01-07
 15. Ravinder S., Ho K., Yeoh B. *Student Mobilities and International Education in Asia: Emotional Geographies of Knowledge Spaces.* Palgrave Macmillan; 2020. 350 p. doi:10.1007/978-3-030-27856-4
 16. Chao C., Hegarty N., Angelidis J., Lu V.F. Chinese students' motivations for studying in the United States. *Journal of International Students.* 2017;7(2):257–269. doi:10.32674/jis.v7i2.380
 17. Ginnerskov-Dahlberg M. *Student Migration from Eastern to Western Europe.* Routledge; 2021. 193 p. doi:10.4324/9781003056287
 18. Ji Y. Research on the phenomenon of educational migration in China. *Lecture Notes in Education Psychology and Public Media.* 2023;18:33–39. doi:10.54254/2753-7048/18/20231282
 19. Zhu J., Li G., Wan M., Li S., Sun L., Li J., Wang X. Survey study of the cultural integration of international students in East China under ecosystem theory. *Sustainability.* 2022;14(21):14485. doi:10.3390/su142114485
 20. Kremen S., Kremen F., Tsitsikashvili K. Beyond borders: the integration of foreign students in the distance learning educational process at the Russian university. *Environment and Social Psychology.* 2023;8 (1):1662. doi:10.18063/esp.v8.i1.1662

21. Chen J. Three levels of push-pull dynamics among Chinese international students' decision to study abroad in the Canadian context. *Journal of International Students*. 2017;7:113–135. doi:10.32674/jis.v7i1.248
22. Wen W., Hu D. The emergence of a regional education hub: rationales of international students' choice of China as the study destination. *Journal of Studies in International Education*. 2019;23(3):303–325. doi:10.1177/1028315318797154
23. Song Y. What should economists know about the current Chinese hukou system. *China Economic Review*. 2014;29:200–212. doi:10.1016/j.chieco.2014.04.012
24. Kang E. The influence of the Chinese hukou system in motivating and shaping the geography of Chinese international student mobility. *Population, Space and Place*. 2023:e2734. doi:10.1002/psp.2734
25. Lu Y., Jean J., Lu Zh. To study abroad or not, and why? Exploring Chinese university students' post-graduate intentions. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2023;49(18):4598–4620. doi:10.1080/1369183X.2023.2270326
26. Brooks R., Waters J. Partial, hierarchical and stratified space? Understanding 'the international' in studies of international student mobility. *Oxford Review of Education*. 2022;48:1–18. doi:10.1080/03054985.2022.2055536
27. Chenchen Z. Hukou and suzhi as technologies of governing citizenship and migration in China. In: Walters W., Tazzioli M., eds. *Handbook on Governmentality*. Edward Elgar; 2023:335–351. doi:10.4337/9781839108662.00029
28. Wu S. Pedagogical conditions for the formation of creative independence of art and pedagogical university students in China and Russia: comparative analysis. *Pedagogy and Education*. 2023;3:187–194. doi:10.7256/2454-0676.2023.3.43768
29. Makhmutova E.V. Analysis of experience of working with foreign students in Russia and China. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):24–29. (In Russ.) doi:10.26794/2226-7867-2019-9-6-24-29
30. Donetskaya S.S., Li M. Chinese students abroad: dynamics of numbers and purposes of departure. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2020;29(6):153–168. (In Russ.) doi:10.31992/0869-3617-2020-6-153-168
31. Dan Ch. Chinese student at a Russian university: selection trends, problems of adaptation, formation of relationships. *Gumanitarij Juga Rossii = Humanitarian of the South of Russia*. 2020;9(5):162–173. (In Russ.) doi:10.18522/2227-8656.2020.5.13
32. Fincher R., Shaw K. The unintended segregation of transnational students in central Melbourne. *Environment and Planning A: Economy and Space*. 2009;41(8):1884–1902. doi:10.1068/a41126
33. O'Connor S. Problematising strategic internationalization: tensions and conflicts between international student recruitment and integration policy in Ireland. *Globalization, Societies and Education*. 2018;16(3):339–352. doi:10.1080/14767724.2017.1413979
34. Glumova E.P., Panchenko Yu.Yu. Communicative and connective integration of social networks as a means of developing speech skills in foreign language written dialogical speech of undergraduate students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2022;482:182–191. (In Russ.) doi:10.17223/15617793/482/19
35. Bilecen B. Linguistic capital and social inequalities: experiences of international Chinese students in Germany. *Population, Space and Place*. 2024;30:e2725. doi:10.1002/psp.2725
36. Li X., Guo L. Mechanism and model of cooperation between China, Mongolia and Russia in higher education. *Journal of Education, Humanities and Social Sciences*. 2023;19:87–94. doi:10.54097/ehss.v19i1.11024

37. Hemsley-Brown J., Oplatka I. Reflections on management and leadership of educational marketing: looking toward the future. *Advances in Educational Administration*. 2012;15:267–277. doi:10.1108/S1479-3660(2012)0000015014

Информация об авторах:

Галагузова Минненур Ахметхановна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Благовещенского государственного педагогического университета; ORCID 0000-0001-7749-1221; Екатеринбург, Российская Федерация. E-mail: gala_36@mail.ru

Швецова Анастасия Владимировна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории сравнительных исследований толерантности и признания Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; ORCID 0000-0002-3379-1959, AuthorID 57214124317; Екатеринбург, Российская Федерация. E-mail: shvetsovaav@mail.ru

Чжан Вэй – кандидат педагогических наук, директор института языков средней и восточной Европы Цзилиньского университета международных исследований; ORCID 0000-0001-5713-8017; Чанчунь, КНР. E-mail: 18222319@qq.com

Вклад соавторов:

М.А. Галагузова – разработка идеи исследования, организация сбора эмпирических данных, вычитка и корректировка статьи.

А.В. Швецова – разработка методологии и дизайна исследования, концептуальное проектирование исследования, подготовка публикации.

В. Чжан – сбор эмпирических данных, статистическая обработка эмпирических данных, описание эмпирических результатов исследования.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 24.09.2023; поступила после рецензирования 25.03.2024; принята в печать 08.05.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Minnenur A. Galaguzova – Dr. Sci. (Education), Professor, Department of Pedagogy, Blagoveshchensk State Pedagogical University; ORCID 0000-0001-7749-1221; Blagoveshchensk, Russian Federation. E-mail: gala_36@mail.ru

Anastasia V. Shvetsova – Cand. Sci. (Sociology), Senior Researcher, Laboratory for Comparative Studies of Tolerance and Recognition, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin; ORCID 0000-0002-3379-1959, AuthorID 57214124317; Ekaterinburg, Russian Federation. E-mail: shvetsovaav@mail.ru

Wei Zhang – Cand. Sci. (Education), Director, Institute of Middle and Eastern European Languages, Jilin International Studies University; ORCID 0000-0001-5713-8017; Changchun, People's Republic of China. E-mail: 18222319@qq.com

Contribution of the authors:

M.A. Galaguzova – development of the research idea, organisation of the collection of empirical data, proofreading and correction of the article.

A.V. Shvetsova – development of methodology and research design, conceptual design of the study, preparation of publication.

V. Zhang – collection of empirical data, statistical processing of empirical data, description of the empirical results of the study.

Conflict of interest statement. The authors declare that there is no conflict of interest.

Received 24.09.2023; revised 25.03.2024; accepted 08.05.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

Información sobre los autores:

Minnenur Ajmetjánovna Galagúzova: Doctora en Ciencias de la Pedagogía, Profesora del Departamento de Pedagogía, Universidad Pedagógica Estatal de Blagovéshchensk; ORCID 0000-0001-7749-1221; Ekaterimburgo, Federación de Rusia. Correo electrónico: gala_36@mail.ru

Anastasia Vladímirovna Shvetsova: Candidata a Ciencias de la Sociología, investigadora principal del laboratorio de estudios comparativos de tolerancia y reconocimiento, Universidad Federal de los Urales en honor al Primer Presidente de Rusia B.N. Yeltsin; ORCID 0000-0002-3379-1959, AuthorID 57214124317; Ekaterimburgo, Federación de Rusia. Correo electrónico: shvetsovaav@mail.ru

Wei Zhang: Candidato a Ciencias de la Pedagogía, Director del Instituto de Lenguas de Europa Central y Oriental, Universidad de Estudios Internacionales de Jilin; ORCID 0000-0001-5713-8017; Changchún, República Popular de China. Correo electrónico: 18222319@qq.com

Contribución de coautoría:

M.A. Galagúzova: desarrollo de la idea de investigación, organización de la recolección de datos empíricos, revisión y corrección del artículo.

A.V. Shvetsova: desarrollo de la metodología y diseño de investigación, diseño conceptual del estudio, preparación de la publicación.

W. Zhang: recolección de los datos empíricos, procesamiento estadístico de los datos empíricos, descripción de los resultados de investigaciones empíricas.

Información sobre conflicto de intereses. Los autores declaran no tener conflictos de intereses.

El artículo fue recibido por los editores el 24/09/2023; recepción efectuada después de la revisión el 25/03/2024; aceptado para su publicación el 08/05/2024.

Los autores leyeron y aprobaron la versión final del manuscrito.